

Посвящается Андреа и Лукасу.

Люди и другие существа, которых вы встретите в этой книге

Люди

Сэмюэль Блинк: Двенадцатилетний мальчик, который когда-то жил нормальной жизнью, имел нормальных друзей и делал нормальные вещи. До тех пор, пока его родителей не убило упавшим на машину бревном. И пока он не переехал в Норвегию, не встретился с семейством троллей и не обнаружил, что его дядя Хенрик прожил много лет в облике собаки. Но теперь, за день до начала учебного года в новой школе, его жизнь снова кажется ему привычно скучной. До тех пор, пока однажды он не слышит странные звуки из-под своей кровати.

Марта Блинк: Десятилетняя сестра Сэмюэля. Была бы лауреатом премии Худший Хранитель Тайн в Мире, если бы такая премия существовала. Она любит: заводить друзей, сочинять песенки, рассказывать о своих приключениях в лесу и есть маринады. Она ненавидит: вспоминать о том дне, когда погибли ее родители.

Тетя Ида: Сестра Лив Блинк, мамы Марты и Сэмюэля. Она немного старомодна и часто бывает довольно строгой. Это леди высокого роста, которая вечно затягивает волосы в пучок и очень подвержена переживаниям. Но если бы ваш муж превратился в собаку, вы бы, скорее всего, вели себя точно так же.

Дядя Хенрик: Дядя Сэмюэля и Марты; муж тети Иды. Бывший прыгун на лыжах с трамплина, владелец козьей фермы, сыровар и собака. Норвежский элкхаунд, если быть точным. Теперь большую часть времени проводит в облике обычного доброго дяди, за исключением случаев, когда с ним происходят его «забавные припадки».

Миссис Стурдсен: Учительница в деревенской школе. Это невысокая коренастая женщина с похожими на красные яблоки щечками. В целом она довольно добра, но ее порядочно раздражает

одна всезнайка по имени Корнелия Мюклебуст, которая поправляет ее почти на каждом уроке.

Корнелия Мюклебуст: Избалованная папенькина дочка. Бегло говорит на многих языках. Математический гений. У нее больше пони, чем у вас пальцев на руках. И, да, если она попытается подружиться с вами, уносите ноги. Быстро.

Мистер Мюклебуст: Папа Корнелии. Очень неаккуратен за столом. Самый богатый человек в Фломе. И самый толстый. Ненавидит дядю Хенрика с тех пор, как он... Нет, этого я вам не скажу. Не сейчас.

Миссис Мюклебуст: Мама Корнелии. Бывшая королева красоты. Находит своего мужа омерзительным, но никогда его не бросит. Ведь у него так много денег.

Мистер Томас Томассен: Полисмен. У него всегда такое кислое выражение лица, словно он только что жевал лимон. Любит претворять в жизнь древние законы о троллях. Ненавидит людей, которые зря тратят время полиции.

Тролли

Троль-сын: Маленький тролль, который живет со своей семьей в деревне Тролльхельм.

Вынужден делить одно глазное яблоко со своими родителями и сестрой, и это его совсем не смущает. А смущает его то, что мама ругает его абсолютно за все. Особенно когда она приходит к выводу, что его необходимо отправить к Улучшителю. Троль-сын тайно мечтает о том, чтобы быть человеком и иметь настоящее имя — что-нибудь вроде Сэмюэль Блинк.

Троль-мама: Мама Троль-сына — чрезвычайно уродливая женщина с всклокоченными сальными волосами, красным носом картошкой, волосатыми ноздрями и пятью гнилыми черными зубами. Она стала очень брюзгливой с тех пор, как семейство Троллей потеряло свое глазное яблоко. Она слишком часто колотит Троль-сына по голове и слишком много беспокоится о мнении соседей — хотя на самом деле в глубине души она довольно добра.

Троль-папа: Один из самых дружелюбных и скромных троллей на свете. Если у него и есть недостатки, то только один: он почти никогда

не осмеливается противостоять Тролль-маме. Но не вините его в этом: если бы вы получили одну из затрещин Тролль-мамы, вы бы тоже не осмелились.

Тролль-дочка: Младшая сестра Тролль-сына. Быстро становится любимицей Тролль-мамы. У нее есть невыносимая привычка снова и снова повторять свои любимые слова. Не обращайтесь на нее внимания: она только этого и добивается.

Улучшитель: Самое мерзкое существо за всю историю троллей. Ну, за исключением Тролль-каннибала, умершего 7552 года назад от сильнейшей боли в желудке. Улучшитель ненавидит троллей и тот факт, что он — один из них, чем, возможно, и объясняется то, что он получает огромное удовольствие от «улучшения» детей троллей. Этот процесс включает сеансы Погружения в клетке, семичасовые уроки математики и другие многочисленные варианты пыток. Все это происходит в его доме, Башне улучшения.

Тролль-левый и Тролль-правый: Две головы одного тролля, которые ненавидят друг друга до дрожи в желудке (с технической точки зрения одного на двоих). Недавно они были разлучены в результате довольно неприятного происшествия, в которое был вовлечен меч тюремного стражника, отрубивший голову Тролль-правого.

Тролль-мудрейший: Глава Совета троллей. Признан самым мудрым троллем в Тенистом лесу на основании того, что у него самая длинная борода. В действительности же он один из самых глупых троллей на свете. А этого добиться не так просто, учитывая то, что большинство троллей верят, что луна — это дырка, прорезанная в небе.

**Другие лесные существа, которые
появляются в этой книге не так часто, как
тролли, но о которых вам, возможно, будет
интересно узнать**

Томте. Веселое бочкообразное существо в разноцветной одежде, которую он выбирает, руководствуясь своим весьма странным вкусом.

У него есть неприятная привычка рифмовать все подряд. Все время. Что следовало бы зачислить в разряд преступлений.

Хюльдры. Хюльдры раньше обитали под землей, но теперь живут вблизи южной границы Тенистого леса. У них длинные хвосты, костлявые тела и широко расставленные глаза, и они проводят свои дни, распевая гимны солнцу и вырезая фигурки из дерева. Их пение вы сможете услышать на нескольких страницах, если будете читать книгу в очень тихой комнате.

Головостуки. Эти птицы когда-то долбили клювами головы и ели на ужин мозги. Теперь они стали вегетарианцами и летают повсюду, щебеча о том, как чудесно выглядит лес.

Эта книга также может содержать следы калуш, рыб-хоботунов и правдивых пикси.

Забавный припадок дяди Хенрика

Сэмюэль Блинк лежал на земле, выдергивая пальцами клочки травы, словно это были зеленые волосы какого-то весьма злобного монстра с большой головой.

Понимаете, ему было скучно. Дико, смертельно, невыносимо скучно. Не то чтобы он имел что-то против этого. Нет. На шкале Худших Вещей в Жизни скука находилась отнюдь не на первом месте. Она определенно была не самым плохим чувством из всех, что ему довелось испытать этим летом. И это было явно лучше, чем, например, испугаться так, что душа уходит в пятки, или чувствовать такую печаль, что едва возможно дышать.

И все-таки, если бы только его вещи прибыли из Англии. Или если бы у тети Иды с дядей Хенриком был телевизор. Или компьютер. Или книга, написанная не на норвежском. Если бы только здесь было какое-то интересное место, куда можно было пойти.

Надо признать, здесь было мило. Просто повернув голову налево, в сторону от белого деревянного домика, он мог увидеть спокойные воды фьорда и в отдалении огромный неровный треугольник — гору Мюрдал. Но каким бы милым ни был вид, с ним нельзя было поиграть. Им можно было только любоваться. А поскольку до начала лыжного сезона, по словам дяди Хенрика, оставалось три месяца, настоящие развлечения должны были появиться еще очень не скоро.

Конечно, было здесь одно место, обещавшее нечто захватывающее. Сосновый лес, стоявший стеной прямо перед ним, на вершине травянистого склона, где заканчивалась земля тети Иды и дяди Хенрика. Но ему туда было нельзя.

— Мы по-прежнему должны быть осторожны, — сказала тетя Ида ему и его сестре Марте. — Если мы не будем беспокоить лес, лес не будет беспокоить нас.

— Но лес теперь безопасен, — возразил Сэмюэль.

— Ну, этого мы не знаем, — заметила тетя Ида. — Не знаем наверняка.

Это была правда. Лес по-прежнему хранил множество тайн — например, неясно было, все ли лесные тролли дружелюбны или только некоторые из них. И у многих ли из них один глаз, две головы и другие

необыкновенные приметы, которые шокируют, когда видишь их впервые. Все эти вопросы могли немного скрасить скуку летнего полудня, но не настолько, насколько это могла бы сделать встреча с троллем лицом к лицу.

Сэмюэль как раз собирался выдрать особо большой клочок травы, когда услышал приглушенный телефонный звонок. Через пару минут тетя позвала его с порога дома.

— Сэмюэль! — сказала она. — Мне нужно кое-что тебе сказать. И что ты делаешь на траффе? Ты слишком близко к лесу.

Сэмюэль вздохнул, поднялся на ноги и пошел к тете. Во многих отношениях она была очень строгой и выглядела весьма чопорно со своими затянутыми в пучок волосами, застегнутой доверху кофтой, сжатыми в ниточку губами и колючим подбородком. На самом деле она была хорошей и доброй женщиной, которая была виновата разве что в том, что слишком много беспокоилась.

— Звонила фру Стурдсен, — сказала она, когда Сэмюэль снял ботинки. На кухне он увидел Марту, которая, не закрывая рта, болтала с дядей Хенриком, пока тот готовил запеченное оленьё мясо и брусничный джем на ужин.

Это было забавно. После смерти родителей Марта не говорила ни слова в течение нескольких недель, но теперь ее невозможно было заткнуть. Как будто все эти произнесенные слова хранились в ней, как деньги в банке, и теперь она тратила их при любой возможности. И говорила она только об одном — о времени, которое она провела в Тенистом лесу.

— ...и тогда, — рассказывала Марта, — когда я была в подземной тюрьме со Снежной ведьмой, я встретила этого двухголового тро...

— Марта, — резко перебила ее тетя Ида, когда они с Сэмюэлем вошли в кухню. — Мне кажется, мы уже достаточно часто слушали этот рассказ. Возможно, нам стоит поговорить о чем-то другом. Например, о фашей новой школе. И запомните, когда вы пойдете в школу, не упоминайте о Тенистом лесе. Я понимаю, это очень захватывающе — жить рядом с лесом, полным таких странных существ, но мы ни в коем случае не должны никому об этом рассказывать. Это очень важно, потому что, как я говорила, звонила фру Стурдсен и...

— Что за имя такое — Фру? — спросил Сэмюэль, скривившись, словно это имя имело неприятный запах.

— Это не имя, это обращение. «Фру» на норвежском значит «миссис». «Герр» значит «мистер», а «фру» значит «миссис». Так что я говорила с миссис Стурдсен. Вашей новой учительницей.

У Сэмюэля упало сердце. Как он сможет выжить в новой школе, если он не знает языка?

— Что она хотела? — спросил он.

— Ну, она звонила, чтобы сказать, что она с нетерпением ждет двух новых учеников, которые придут к ней завтра. Еще она сказала, что было бы здорово, если бы вы написали сочинение о том, как профели каникулы. Здесь так делают в конце каждого лета, так она сказала.

Сэмюэль закатил глаза:

— Домашнее задание еще до начала учебы?

Он уже понял, что норвежские школы довольно странные, потому что десятилетние ученики, такие как его сестра, ходили в тот же класс, что и двенадцатилетние, как он сам. Но делать домашнее задание до начала семестра — это был уже перебор.

— Судя по всему, да, — ответила тетя Ида. — Домашнее задание до начала учебы.

Дядя Хенрик на минуту прекратил давить бруснику.

— Я помню себя, когда я был в школе, — сказал он, и его ласковое лицо растянулось в улыбку. — Каждое лето я хотел быть уверенным, что сделал что-то интересное, просто чтобы было о чем написать.

— Да, — торопливо проговорила тетя Ида. — Ну, я должна сказать, у нас сейчас немного другая ситуация, не правда ли, Хенрик? Прямо противоположная, если уж на то пошло. Боюсь, им слишком много есть о чем рассказать.

— Подумаешь! — сказал Сэмюэль. — Все и так верят, что в лесу живут странные существа. Потому-то они и боятся туда ходить.

— Они боятся, потому что ничего не знают наферняка, — возразила тетя Ида. — А если они узнают, что Хенрик вернулся домой, профедя столько лет в лесу, все захотят объяснений. Поэтому мы должны делать вид, что ничего не знаем, а вы в своих сочинениях не должны упоминать о лесных существах. А завтра, когда вы пойдете в школу и люди узнают, где вы жифете, вы должны воздержаться от того, чтобы произвести на них впечатление рассказами о лесе.

— Эй! — воскликнула Марта, вспыхнув. — Почему все смотрят на меня?

— Потому что ты вечно болтаешь, не закрывая рта, — ответил Сэмюэль.

— Нет, я...

— Послушайте, — сказала тетя Ида, подняв руку, чтобы прекратить спор. — Думаю, нам всем будет непросто. Но вы должны делать фид, что не фидели дядю Хенрика. Ну, по крайней мере до тех пор, пока мы не решим, что мы будем делать. И никто не должен узнать о троллях, пикси и всех остальных. Несложно представить, что сделает Магнус Мюклебуст, если обнаружит, что мы видели что-то подобное.

— Кто такой Магнус Мюклебуст? — спросила Марта, стащив кружочек маринованного лука из банки, которую она открыла на кухне.

Тетя Ида с дядей Хенриком переглянулись, и Сэмюэль заметил в их взглядах что-то странное, но не смог понять что.

— Мистер Мюклебуст — это человек, с которым я был знаком до того, как ушел в лес, — медленно произнес дядя Хенрик, как будто его слова были хрупкими и драгоценными и с ними нужно было обращаться бережно, как с фарфоровыми чашками. — Я познакомился с ним после того, как перестал заниматься прыжками с трамплина и переехал в Флом вместе с Идой.

— А что в нем такого особенного? — спросил Сэмюэль, глядя на пустую собачью корзину.

Тетя Ида засмеялась.

— Поферь мне, в нем нет ничего особенного. Но он не очень приятный человек. Да, совсем не приятный. И он никогда не любил твоего дядю.

— Почему? — спросила Марта, взяв еще один кружочек маринованного лука.

— Это длинная история. А фам еще нужно сделать домашнее задание. Как бы то ни было, проблема в том, что если он узнает про лес, то захочет вырубить его и сделать на нем деньги. Если бы он так не боялся того, что может быть в лесу, он бы сделал это прямо сейчас. Он уже владеет половиной Флома. Лыжные базы, дома отдыха. Он самый богатый человек в деревне. И он всегда хотел разузнать что-

нибудь про лес. Так что, если он что-то узнает, у нас будут проблемы. Существуют древние законы, которые касаются подобных вещей. Законы, насчитывающие сотни лет и фосоходящие к временам короля Хокона Доброго, первого христианского короля Норвегии. Законы, касающиеся знания о злых существах и никогда не подфергавшиеся пересмотру. Мы должны быть очень осторожны.

Тетя Ида отвлеклась, заметив, что Марта берет еще один кусочек маринованного лука.

— Марта, хватит кусочничать. Оставь место для оленьего мяса. Честное слофо, что у тебя за страсть к маринадам?

Марта пожала плечами.

— Они вкусные, — сказала она. И правда, для Марты это была самая приятная вещь в Норвегии. Маринады были здесь повсюду. Маринованные ягоды, маринованные орехи, маринованный лук, маринованные огурцы, маринованные корнишоны. И она ела их при каждом удобном случае.

— Ну, ладно. Итак, когда вы будете делать домашнее задание, вы не должны ничего писать про существ, жифущих в лесу. А когда вы пойдете в школу, вы не должны никому рассказывать, что ваш дядя вернулся. Это оччень фажно.

Сэмюэль откинулся на стуле, держась на одних носочках.

— Значит... вы хотите, чтобы мы вдали?

Тетя Ида крепко зажмурилась, словно ей в лицо только что плеснули водой.

— Ну, вы не будете врать, вы просто скажете не всю правду.

Сэмюэль кивнул.

— Угу. Так я и думал. Мы должны врать.

Тетя Ида начала нервничать:

— Нет, это... Ты не можешь сидеть спокойно?

Как только она строгим голосом произнесла слово «сидеть», случилось нечто поразительное. Дядя Хенрик уронил свой мясной нож и упал на корточки, упершись руками в пол. Из угла его рта свесился язык, и он часто задышал, будто бы изображая собаку. Но если он и изображал собаку, то получалось у него это слишком хорошо, и в глазах дяди Хенрика не было и намека на шутку. Если честно, в глазах дяди Хенрика не было и намека на дядю Хенрика. Создавалось

впечатление, что он впал в транс и на какое-то время совершенно забыл о том, что он человек.

Но тетю Иду это, кажется, не слишком беспокоило. Она только закатила глаза, как будто это было абсолютно нормальное происшествие.

— Что такое с дядей Хенриком? — спросила Марта, которая смутилась настолько, что перестала грызть свой маринованный лук.

— С ним все в порядке? — добавил Сэмюэль.

— Да, да, — ответила тетя Ида, вздохнув. — У него уже была пара таких припадков сегодня.

— Припадков? — переспросил Сэмюэль. Он вспомнил, как его мама говорила, что у его дедушки были «забавные припадки». Но Сэмюэль был уверен, что забавные припадки дедушки не включали сидение на корточках на кухонном полу и собачье пыхтение.

— Когда вы еще спали, я обнаружила дядю Хенрика лежащим в собачьей корзине, — сказала тетя Ида.

Когда она произнесла слово «корзина», дядя Хенрик склонил голову набок и наградил ее преданным собачьим взглядом, после чего устремился на четвереньках к корзине. Марта взвизгнула, когда он чуть не наступил на нее, а Сэмюэль спрыгнул со стула, освобождая ему место. Но дядя Хенрик пронесся мимо кресла-качалки и, запрыгнув в собачью корзину, улегся там. Конечно, она была для него слишком тесной, и он довольно нелепо в ней смотрелся. Его голова свешивалась через край, а ноги торчали наружу. И все-таки, несмотря на то что ему было очевидно неудобно, он еще ухитрялся вылизывать ладони, словно это были подушечки лап, которые следовало умыть.

— Хенрик! — закричала тетя Ида. — Хенрик! Вылезай оттуда! Ты не собака! Хенрик Крэг, немедленно вылезай из корзины. Хенрик? Хенрик? Ты слышишь меня?

И тогда Сэмюэль с Мартой увидели, как веки дяди Хенрика задрожали, как будто он пробуждался от дурного сна.

— Ох, — произнес он устало, принимая сидячее положение, более подобающее человеку. Он сильно покраснел, осознав, что Сэмюэль с Мартой наблюдали всю эту сцену. — Это снова случилось, да? Я думал, я все еще...

— Да, — ответила тетя Ида, поглаживая его по руке. — Но ты не волнуйся. Теперь ты снова с нами. Все будет хорошо. Я уверена. Да,

все будет хорошо.

Запеченное оленьё мясо и брусничный джем

Сэмюэль посмотрел на свою тарелку с запеченным оленьим мясом и брусничным джемом и задумался, привыкнет ли он когда-нибудь к стряпне дяди Хенрика. Seriously, кому могло прийти в голову положить мясо и джем на одну тарелку? Если бы его мама и папа не погибли, они бы с Мартой по-прежнему были в Англии и ели нормальную еду. А потом, пообедав нормальной едой, он бы поднялся наверх и занялся чем-нибудь столь же нормальным. Например, поиграл на компьютере, или почитал книгу, или поехал на велосипеде к дому Джозефа. Джозеф был его лучшим другом. Раньше был. Но мог ли он надеяться на то, что сможет остаться с кем-нибудь лучшими друзьями, находясь в другой стране?

— Дафай же, — сказала тетя Ида, заметив, что Сэмюэль даже не взял в руку вилку. — Остынет.

Так что Сэмюэлю пришлось приступить к еде, и на вкус она оказалась далеко не такой ужасной, как он ожидал. И ни он, ни Марта ни разу не упомянули в разговоре о забавном припадке дяди Хенрика. Они не хотели смущать его еще сильнее, потому что очень его любили. У него был более мягкий характер, чем у тети Иды. Казалось бы, они не должны подходить друг другу, но каким-то образом — как запеченное оленьё мясо и брусничный джем — у них получался прекрасный союз.

— Ну, — сказал Сэмюэль, — если нам нельзя говорить про лес, то, может быть, мы поговорим о лыжном спорте? Почему вы не хотите принести с чердака свою медаль, чтобы все могли на нее посмотреть?

Видите ли, в молодости дядя Хенрик был прыгуном на лыжах с трамплина, и довольно хорошим: он выиграл серебряную медаль на Олимпийских играх.

Дядя Хенрик тихо рассмеялся и покачал головой.

— Нет, думаю, это ни к чему. Пусть лучше остается на чердаке... Да и в любом случае, кто здесь будет на нее смотреть?

Это было разумное замечание. Действительно, сюда не приходил никто, кроме почтальона, а в последние два дня и его не было, так что

тетя Ида сама ездила за письмами на почту в Флом.

— Мы будем на нее смотреть, — сказал Сэмюэль. — И будет так круто, если мы повесим ее на стене.

«Лучше, чем все эти дурацкие горные пейзажи», — подумал он, но не сказал этого вслух.

Марта проглотила огромный кусок оленьего мяса и решила, что прошло слишком много времени с тех пор, как она в последний раз что-то говорила.

— На что это было похоже, когда вы прыгали с трамплина? Вам было страшно? Мне было так страшно, когда я сидела в клетке хюльдр и меня везли по Тенистому лесу.

— Да, — ответил дядя Хенрик. — Иногда мне было по-настоящему страшно. Но бывают случаи, когда немного страха — это не так уж плохо. Он помогает нам понять себя, понять, что мы собой представляем. Ты стоишь на вершине лыжного трамплина в полном одиночестве и не можешь рассчитывать ни на кого, кроме себя. Поверьте мне, это одно из самых прекрасных ощущений на свете.

— Ох, дети, видели бы вы его, — сказала тетя Ида. — Видели бы вы, как он летит по воздуху!

Ее прервал телефонный звонок, и она пошла взять трубку. Все замолчали и смотрели на то, как лицо тети Иды постепенно принимает одновременно сердитое и испуганное выражение. И хотя она говорила на норвежском, Сэмюэлю и Марте было ясно, что этот звонок не из приятных.

— Да... Магнус, это ты?.. Что ты слышал?.. Ах, какая чепуха!.. Не говори ерунды!.. Уверяю тебя, ничего подобного не было... Нет... Разумеется, нет... Знаешь, мне кажется, что такой занятой человек, как ты, может найти себе другие дела, а не слушать глупые сплетни... Ну, мне пора идти... Морна, Магнус. Морна.

Дрожащей рукой она положила трубку на рычаг.

— Кто это был? — спросила Марта.

— Мистер Мюклебуст, — ответила тетя Ида. — Тот человек, о котором я вам говорила. Человек, который хочет уничтожить лес. А возможно, и нас.

Лицо дяди Хенрика, обычно спокойное, исказилось от волнения.

— Да что ему нужно?

— Ну, он услышал рассказ Иоганнеса. Почтальона. Рассказ о том, что случилось три дня назад.

Сэмюэль был озадачен:

— А что случилось три дня назад?

Тетя Ида с дядей Хенриком переглянулись, и щеки Хенрика стали цвета брусничного джема на его тарелке.

— Все в порядке, Ида, — сказал он. — Я им расскажу.

Он сделал глубокий вдох, словно снова стоял на вершине лыжного трамплина, и рассказал Сэмюэлю и Марте, что случилось три дня назад.

— У меня был очередной «забавный припадок», как говорит ваша тетя. Я услышал, как в почтовый ящик опускаются письма, и совершенно утратил над собой контроль. Я на четвереньках побежал ко входной двери, и я... я... я укусил Иоганнеса. Я укусил его за руку, а когда он отдернул ее, я стал... стал лаять... как... одним словом, как собака... в тот момент я этого не осознавал — я как будто бы заснул и на пару секунд превратился в кого-то совсем другого. А затем, когда я очнулся, я смотрел в окно на лицо почтальона. И конечно же, как только я увидел его, я снова побежал наверх прятаться, но, боюсь, было уже слишком поздно.

Сэмюэль и Марта слушали его и кивали, как будто все это было в порядке вещей. Они знали, что дядя Хенрик раньше был не только фермером и лыжником, но также провел много лет в теле собаки. Да, настоящей живой собаки, которая писает на фонарные столбы, выбирает блох и кусает почтальонов.

— Нет, — сказала тетя Ида. — Не поздно. Фовсе не поздно. Мистер Мюклебуст ничего не знает. Совсем ничего. Он ничего не знает наверняка. Мы должны быть осторожны, фот и все. Хенрик, ты не должен выходить из дома. А когда ты внизу, мы должны задерживать шторы. И, дети, мы ни в коем случае не должны усугублять ситуацию. Вы не должны и думать о том, чтобы пойти в лес. Мы должны забыть о самом его существовании. А если вы когда-нибудь увидите, как что-то выходит из леса, вы должны немедленно сказать об этом мне или вашему дяде. Это очень фажно. Вы ведь помните, что я всегда говорю, правда?

Марта и Сэмюэль переглянулись и слово в слово процитировали любимое высказывание тети Иды: «Если мы не будем беспокоить лес,

лес не будет беспокоить нас. Это оччень фажно».

Тетя Ида нахмурилась.

— Почему вы говорите «оччень фажно»? Я так не говорю. Я говорю «очень важно», а не «оччень фажно», спасибо за понимание.

Марта подтолкнула локтем Сэмюэля, и Сэмюэль засмеялся, и этот смех был таким заразительным, что очень скоро он передался Марте, затем дяде Хенрику, и в конце концов тетя Ида тоже рассмеялась. И в эти минуты им казалось, что все их волнения по поводу новой школы и назойливых телефонных звонков исчезли навсегда и улетели из дома прочь, в прозрачный горный воздух.

Автор грубо прерывает повествование

Привет.

Это автор.

Мне ужасно неловко так нагло прерывать вас, но я правда думаю, что мне стоит объяснить вам кое-что, прежде чем мы двинемся дальше.

Меня беспокоит то, что я мог немного удивить вас заявлением о том, что «дядя Хенрик однажды был собакой».

Ну что я могу сказать? Ничего, кроме того, что это чистейшая правда. Он был норвежским элкхаундом, если вас интересует порода. А если вы не верите в это, тогда вы, возможно, не поверите и в то, что Сэмюэль однажды превратился в кролика, или в то, что Марта провела некоторое время в обличье птицы. Имейте в виду, если вы такой человек, вы, возможно, не поверите и в то, что в Тенистом лесу правда живут тролли, а также пикси, томте и хюльдры. И в этом случае нет никакого смысла продолжать читать эту книгу.

Серьезно, на вашем месте я бы отложил ее и сел за компьютер или что-нибудь в этом духе. Что я еще могу сделать, чтобы убедить вас, кроме того, чтобы просто сказать: все это — правда?

Да, я знаю, в это трудно поверить. Но поверьте мне, на свете живет множество троллей, которым так же трудно поверить в вас. «Человеки? Тьфу! Полная чушь, — говорят они на встречах Совета троллей. — Я вот никогда в них не верил. Пока я не увижу хоть одного своими глазами, я буду говорить, что это просто вранье».

Ну, не все тролли думают так. Есть один тролль, который очень даже верит в людей. На самом деле он верит, что все его проблемы решатся, как только он убежит и увидит человеческого мальчика, с которым он познакомился летом.

И с ним мы сейчас встретимся, если вы готовы к тому, чтобы поверить в такие вещи...

Необычные жители деревни Тролльхельм

Если бы вы были птицей и пролетели ровно пять миль на север от спальни Сэмюэля и Марты, вы бы оказались в деревне в самом сердце Тенистого леса. Эта деревня во многих отношениях кажется вполне обычной. Там есть пивная, где жители напиваются. Там есть зал для собраний, где жители проводят встречи. Ах, да, и еще там есть маленькие каменные домики, где эти жители живут.

Единственное отличие заключается в том, что жители этой деревни — не люди. Они — тролли. А между троллями и людьми есть несколько очень важных различий. Десять, если быть точным:

1. Тролли живут намного дольше, чем люди. В среднем они доживают до 807 лет.

2. Тролли никогда не чистят зубы, а взрослые тролли никогда не моются. Дети троллей, наоборот, должны принимать ванны, но всего раз в год, в Ежегодный банный день.

3. Большинство троллей не умеют читать. А некоторые тролли покрываются жуткой сыпью, стоит им только прикоснуться к странице книги.

4. Тролли гораздо уродливее, чем самые уродливые из людей. У них более бугристые лица, бородавчатые носы, гнилые зубы и спутанные волосы, чем у любого из нас. У некоторых троллей всего один глаз. У некоторых — три глаза. И есть даже те, у кого две головы. Примерно у половины популяции троллей есть два глаза и одна голова, совсем как у людей, но даже они производят довольно странное впечатление со своими волосатыми ноздрями и изрытой буграми кожей.

5. Тролли, как правило, гораздо глупее людей. Хотя и люди часто от них не отстают.

6. У троллей нет супермаркетов. Чтобы добыть себе ужин, они охотятся. И охотятся они на кроликов.

7. У троллей нет имен. По крайней мере, настоящих имен, как Сэмюэль или Марта. Настоящие имена кажутся им чересчур роскошными. У них есть прозвища, например, Тролль-папа, Тролль-сын или Тролль-мудрейший, однако это создает некоторые проблемы.

Например, сейчас, в то время как я пишу это, в деревне Троллхельм живут сорок семь детей по имени Тролль-дочка.

8. Тела троллей не разлагаются. Когда тролли умирают, их тела превращаются в камень, который обычно используют для строительства нового дома.

9. Тролли не ходят в школу. Однако у непослушных детей троллей есть свои неприятности: их часто привязывают к позорному столбу и их колотят матери. Если же они провинятся в чем-то **ПО-НАСТОЯЩЕМУ СЕРЬЕЗНОМ**, их посылают к троллю по имени Улучшитель. Улучшитель гораздо более аккуратен, строг и жесток, чем среднестатистический тролль, и дети, которые возвращаются из Башни улучшения, от страха едва могут говорить. Однако с тех пор, как два тролля-близнеца распространили слухи о том, что там творится, родители-тролли больше не отсылают своих детей учиться «искусству человеческого изящества и благородства», как называет это Улучшитель.

10. Тролли не выходят из дома при свете дня. Они всегда боялись дневного света по различным причинам. В древние времена тролли верили, что превратятся в камень, если выйдут наружу днем. В последние годы они стали бояться того, что их тени украдут, а их самих сделают жестокими. На самом деле именно это и случилось с множеством существ в Тенистом лесу. Но тролли слишком тупы, чтобы понять, что с ними этого случиться не может. Никакая магия не поможет украсть их тени: они слишком тяжелые для этого. Люди, напротив, имеют гораздо более легкие тени и выходят наружу при свете дня. Что, по мнению троллей, настоящее безумие.

Итак, конкретные тролли, которые нас интересуют сейчас, — это семья, всю свою жизнь прожившая в одном и том же каменном домике в Троллхельме. Их имена, не особо роскошные и такие же, как и у многих других троллей, — Тролль-папа, Тролль-мама, Тролль-сын и Тролль-дочка.

И прямо сейчас, когда Сэмюэль лежит без сна в своей кровати в пяти милях к югу от них, Тролль-мама кричит на своего сына. Послушайте.

— ПРЕКРАТИ КОВЫРЯТЬСЯ В СВОЕЙ ГЛАЗНИЦЕ, МАЛЕНЬКИЙ ШЕБУРШИВЫЙ БОЛВАН!

(Ах, да, чуть не забыл. Это одноглазые тролли: у каждого есть только по одной глазнице, а глазное яблоко у них одно на всю семью. И они его потеряли несколько недель назад и до сих пор не нашли.)

— Я не ковырялся, — сказал Тролль-сын, и это было вранье.

— Болван! Болван! Болван! — заладила его младшая сестра, которая была довольно надоедливой.

— Пусть у меня нет глазного яблока, но мне слышать ковыряние в этой твоей глазнице. — Тролль-мама, как всегда, сердилась на Тролль-сына. Каждое утро она просыпалась и думала: «Сегодня я буду чуточку меньше сердиться на Тролль-сына», но ничего не могла с собой поделать. Он вечно делал что-то такое, что приводило ее в бешенство. А если она не скажет ему, как нужно вести себя, то кто еще это сделает? Тролль, не умеющий себя вести, — самое ничтожное существо на свете, а Тролль-мама ожидала от своего сына лучшего.

— Отстань ты от него, Троль-мама, — сказал Троль-папа. — Я не слышал ни...

Как всегда, Троль-папа не успел закончить предложение по той причине, что его жена дала ему затрещину. Поскольку приближалось время ужина, затрещина была сделана не просто рукой. А котлом для

кроличьего жаркого. Хотя в этом котле уже давно не готовили кроликов — они не поймали ни одного с тех пор, как потеряли свой семейный глаз. И теперь, когда у них закончился весь запас кроликов, им приходилось есть отвар из травы и земляных червей.

Троль-сын ненавидел это блюдо, но поскольку ни он, ни Троль-папа так и не смогли поймать ни одного кролика ночью, у него, похоже, не было выбора.

— Я вот думаю, — сказал Троль-папа, нащупывая путь к столу. — Почему б нам не сказать кому-то из соседей про наши кроличьи проблемы? Уж кто-нибудь нам точно поможет.

Это предложение привело Троль-маму в еще большую ярость.

— Ты огромный шебуршивый тупица! Ты хочешь, чтобы мы ходили побираться по деревне? Кто мы, по-твоему? Пикси какие-то? Ты хочешь, чтобы все тролли прознали про наши проблемы?

— Нет, я...

— И вообще, если твой ленивый сын не может найти глазное яблоко, тебе придется каждую ночь гоняться за кроликами.

— Ле-ни-вый! Ле-ни-вый! Ле-ни-вый! — заладила Троль-дочка. (Я же говорил, что она невыносима.)

Настала очередь Троль-сына сердиться. Почему именно его заставляли прочесывать весь сад в поисках глазного яблока? Ведь не его вина, что синяя птица улетела с ним прочь и уронила его где-то, пока его родители боролись с упрямым кроликом на разделочном столе позади дома. Нет, он был в этом не виноват. И тем не менее каждую ночь, если он не охотился за кроликами с папой, ему приходилось охотиться на глаз в саду.

— Я не ленивый, — сказал он.

И тогда Троль-мама, которая как раз кидала земляных червей и траву в котел, закричала на Троль-папу:

— И ты разрешаешь ему так говорить с мамой? ТЫ РАЗРЕШАЕШЬ? ТЫ РАЗРЕШАЕШЬ? ВОТ КАК?

— Нет, — смиренно ответил Троль-папа. — Нет... Троль-сын, ты не должен так говорить со своей мамой. Говори, что извиняешься.

— Я просто говорю, что я не ленивый.

Троль-мама сделала очень глубокий вдох, демонстрирующий ее возмущение подобным нахальством.

— Ха! Жуткий мальчишка! Ему нужен строгий отец. Вот что ему нужно.

Приняв это замечание к сведению, Тролль-папа снова заговорил:

— Говори, что извиняешься, Тролль-сын. Не расстраивай свою маму.

И тогда, без надежды на какую-либо награду, кроме тарелки вареных земляных червей, Тролль-сын сказал:

— Извиняюсь.

Все было как всегда. Такой была жизнь Тролль-сына. Каждую ночь он выбивался из сил, пытаясь найти кроликов и глазное яблоко, а потом ему приходилось извиняться за сам факт своего существования. И каждый день он лежал на своей жесткой каменной кровати, представляя себе мир, находящийся за лесом. Это было единственное преимущество того, что глазное яблоко потерялось, — так было легче мечтать. Он лежал без сна и мечтал о мире, где жили люди. Он знал, что это чудесное место. И прямо сейчас, заталкивая в рот вареную траву и червей, он думал про это место. В частности, он думал про человеческого мальчика, который однажды остановился в их доме, когда искал свою человеческую сестру. Это было за несколько дней до того, как семья троллей потеряла свое глазное яблоко, и поэтому Тролль-сын тогда смог его рассмотреть.

Он был такой чистый, у него была такая гладкая кожа и такие хорошие манеры. Человеческий мальчик улыбался Тролль-сыну, словно тот был его другом. Представьте себе! Человек, который ведет себя с троллем, как с другом!

Но лучшее, что было в это человеческом мальчике, — это его имя. У него было настоящее имя. И каждый раз, когда Тролль-сыну было грустно, он шептал про себя это имя, снова и снова, словно молитву. Если вы наклонитесь поближе к книге и прислушаетесь, вы услышите, как он шепчет это имя прямо сейчас, в промежутках между глотками:

— Сэмюэль Блинк, Сэмюэль Блинк, Сэмюэль...

— Будь я неладна! Ты замолчишь когда-нибудь, Тролль-сын? — воскликнула его мама. — Честное слово! Я пытаюсь есть червей, а все, что я слышу, — это Сэмюэль Блинк то, Сэмюэль Блинк се. Думаешь, человеческий мальчик стал бы говорить со своей мамой так, как говоришь со мной ты? У человеческого мальчика нет времени на троллей, которые толком и вести-то себя не умеют. Ох! Как же ты

жить-то будешь, когда вырастешь? Как? Как? Ох, Тролль-сын... неужто ты не понимаешь? Я всего-то хочу, чтобы мы могли тобой гордиться... Но троллю не так-то просто жить в нашем мире, так что, если ты будешь продолжать в том же духе, мне придется отослать тебя к Улучшителю. Это будет для твоей же пользы.

Тролль-мама глубоко вздохнула. Ей совсем не нравилась идея отсылать своего сына прочь, но ей нужно было чем-то его напугать, чтобы заставить вести себя как полагается.

— Улучшитель! Улучшитель! Улучшитель! — пропела Тролль-дочка, стуча ложкой по столу, и никто ее не отругал за это. (Я и не думал, что она настолько невыносима.)

Тролль-сын больше не сказал ни слова. Он знал, что Тролль-мама на самом деле не собирается посылать его к Улучшителю. Ведь в последнее время никто из родителей уже не посылал своих детей на трехмесячный курс совершенствования — с тех самых пор, как все слышали рассказы дрожащих от страха троллей-близнецов. Однако Тролль-сын все-таки знал, что с мамой лучше не спорить. Поэтому он перестал повторять про себя человеческое имя, расправился со своим ужином из червей и пошел в сад, где он должен был до самого рассвета искать глазное яблоко.

Но, как всегда, поиски оказались безуспешными. Он не нашел глазное яблоко. И перед рассветом мама дала ему еще одну затрещину, после чего он лежал на своей каменной кровати и мечтал о том, какой могла бы быть его жизнь. Жизнь за пределами леса. Жизнь вдали от мамы. Жизнь среди людей.

— Сэмюэль Блинк, — он шептал это имя, пока не заснул. — Сэмюэль Блинк, Сэмюэль Блинк, Сэмюэль...

Как я провел каникулы
Сэмюэль Блинк

Мои мама с папой были убиты упавшим бревном, которое обрушилось на их машину. Если бы папа послушал меня и остановил машину, когда я его попросил, они бы по-прежнему были живы, так что это по его вине нам с Мартой пришлось переехать в Норвегию и жить с тетей Идой.

Тетя Ида нормальная, правда, она довольно строгая и выглядит так, словно попала в наше время из 1838 года. Она собирает волосы

в пучок и всегда застегивает кофту до самого верха.

Однажды Марта исчезла в лесу возле дома тети Иды. Тетя Ида говорила нам никогда не ходить в лес, но мне пришлось пойти туда, чтобы вернуть сестру, потому что тетя Ида была слишком напугана. Ну, по крайней мере, так мне тогда казалось. Но в лесу я все-таки был не один. Со мной пошел Ибсен, пес тети Иды (элкхаунд, если вам вдруг интересно). Понимаете, ее муж Хенрик много лет назад исчез в лесу и так и не вернулся, и все эти годы с ней рядом не было никого, кроме Ибсена.

Но в лесу оказалось множество злых существ. Их тени украли, а их самих сделали слугами властелина по имени Мастер перемен, который когда-то был человеком по имени Профессор Горацио Тэнглвуд. Он приобрел власть после того, как спас жизнь Ведьмы теней, и ненавидел людей так сильно, что хотел убить всякого, кто войдет в лес.

Поэтому, когда Марта вошла в лес, ее заперли в подземной тюрьме существа, которые называются хюльдры. Они когда-то были хорошими, но Мастер перемен сделал их очень жестокими.

Меня тоже чуть было не поймали хюльдры, но мне повезло, и я смог спрятаться у семьи троллей в деревне Тролльхейм. Дело в том, что тролли преимущественно очень добрые существа, которых не смогли сделать злыми, потому что их тени слишком тяжелые для того, чтобы их можно было украсть. Ах да, у этой семьи троллей было всего одно глазное яблоко на всех, и это было довольно мерзко, потому что когда они вытаскивали его из глазницы, чтобы передать другому, оно издавало странный хлюпающий звук.

Эти тролли были очень добры ко мне, потому что они любили людей, особенно мальчик, которого звали Тролль-сын.

Сэмюэль окинул взглядом написанное и обратил внимание на некоторые слова и фразы. «Злые существа... Ведьма теней... семья троллей... одно глазное яблоко... дядя Хенрик... в элкхаунда». Ему представилось, как у учительницы случается сердечный приступ, когда она это читает.

«Хмм, — подумал Сэмюэль, комкая листок бумаги. — Так не пойдет».

Он пожалел, что не заставил себя выполнить домашнее задание накануне вечером, как это сделала Марта, — тогда ему не пришлось

бы делать все в такой спешке. Взяв чистый листок бумаги, он начал писать заново. Но на этот раз рассказ его был сильно короче:

Как я провел каникулы
Сэмюэль Блинк

Я переехал в Норвегию к тете Иде и дяде Хенрику. Это хорошая страна. Мне нравится есть сладкий коричневый сыр и суп из оленьего мяса. Пейзажи очень красивые. Все очень дружелюбные.

Сэмюэль перечитал эти строчки. Было забавно, что ложь иногда выглядит гораздо правдоподобнее, чем правда. Потом он посмотрел на фотографию мамы с папой, которую они с Мартой держали на письменном столе. Фотография была сделана на фоне Катапульты, одной из самых страшных американских горок в мире, на которую он уговорил пойти своего папу. Папа сразу же после аттракциона побежал в туалет, где его стошнило. Он был не таким уж храбрым и пошел на это только ради него. Что в глазах Сэмюэля делало его самым лучшим папой на свете.

В этот момент Марта зашла в комнату и сказала:

— Помнишь тот браслет Хек, который был у тети Иды — тот, который защищает от всего, — так вот, она рассказала мне, где он спрятан. Он в деревянной шкатулке с розочками, которая стоит в ее спальне. Просто на тот случай, если он нам понадобится.

Сэмюэль сглотнул и спрятал лицо от сестры, чтобы она не увидела слезы в его глазах.

— Теперь уже немного поздно, не правда ли?

— Поздно?

— Я имею в виду, что единственная вещь, от которой нам стоило бы защититься, уже случилась. И теперь мы здесь — посмотри на нас: мы живем в доме, куда никто не осмеливается прийти в гости, возле леса, в который нам нельзя заходить, завтра мы пойдем в школу, где уроки ведутся на языке, которого мы не знаем, а единственная семья, которая у нас есть, — это тетя, которая хочет, чтобы мы ввали в своем домашнем задании, и дядя, который думает, что он собака. Нам нужно что-то большее, чем этот дурацкий браслет, чтобы защититься от всего этого.

— Сэмюэль, что с тобой такое? Я думала, тебе нравятся тетя Ида и дя...

— Дело не в них. Они хорошие. Просто... Не знаю. Иногда мне становится так тоскливо, и тогда я хочу убежать в лес, и жить с троллями, и не беспокоиться о новой школе, и больше никогда не встречаться с людьми.

Марта рассмеялась.

— Я человек. И ты, насколько я помню, тоже! И в любом случае, сбежать в лес — это ужасно глупая идея.

— И это говоришь ты?

— Ну, что ж, я получила хороший урок. Это не поможет тебе почувствовать себя лучше. Каким бы прекрасным ни был лес сейчас.

Это была правда. Куда бы Сэмюэль ни убежал, ему в любом случае пришлось бы взять себя с собой. Он не мог убежать от воспоминаний, которые хранились не только на фотографии, но и в его голове. Они были законсервированы там, словно маринованный лук в банке. И поэтому Сэмюэлю ничего не оставалось, кроме как взять свою голову с собой в ванную, почистить этой голове зубы, собраться в школу и в молчании закончить свой завтрак, раздумывая о том, какие еще несчастья приготовила для него жизнь.

Превосходнейшая Корнелия

Было утро вторника. Первый день учебного года. Сэмюэль и Марта вошли в класс и огляделись. Все девочки разных возрастов сидели на одной половине класса, а мальчики — на другой.

Сэмюэль вздохнул. Он ненавидел это чувство, когда на тебя направлено так много взглядов. Особенно взглядов, изучающих тебя так, словно ты что-то вроде лягушки для препарирования на уроке биологии. Он узнал одного из мальчиков — мальчика в очках, которого он видел раньше у бакалейщика, — но тот не сделал никаких попыток взглянуть на него или улыбнуться. И в любом случае, он уже сидел с другим мальчиком. На самом деле все мальчики сидели с другими мальчиками, а поскольку парты были рассчитаны на двоих, Сэмюэлю пришлось усесться за пустой партой в конце класса.

Марта собралась было сесть рядом с ним, но миссис Стурдсен (низенькая, крепко сложенная женщина с румяными щечками) сказала ей сесть на половине девочек. Так Марта и сделала — села на пустое место рядом с девочкой со светлыми, безупречно уложенными волосами, которая держала спину так прямо, что можно было подумать, что она сидит на лошади. Девочку звали Корнелия Мюклебуст.

Сэмюэль тем временем одиноко сидел за пустой партой в задней части класса, а миссис Стурдсен обратилась к ученикам. Она говорила на норвежском, поэтому он не понял ни слова из ее речи, за исключением своего и Мартинового имени. Затем она заговорила на английском, с сильным акцентом.

— Итак, сегодня в нашей школе появились новые ученики из Англии. Я уверена, что мы сможем хорошо принять их... Я буду объяснять многие уроки на английском — и это поможет всем остальным выучить новые слова.

Весь класс застонал, и Сэмюэль почувствовал себя примерно таким же популярным, как школьный учебник. Миссис Стурдсен начала собирать домашние задания, а он вжался в спинку стула, мечтая оказаться где угодно, но только не здесь.

Корнелии Мюклебуст было одиннадцать лет, и она знала почти все. Она бегло говорила по-английски. Одинаково хорошо успевала по математике, гуманитарным и естественным наукам. Она могла рассказать вам, что солнцу четыре с половиной биллиона лет. Или что Малабо — столица Экваториальной Гвинеи. Или что «Лавка древностей» — это книга, написанная Чарльзом Диккенсом.

Она была такой умной, что часто поправляла миссис Стурдсен, которой это совсем не нравилось.

— Нет, — сказала Корнелия недавно на уроке, посвященном типам облаков. — Думаю, вы сами понимаете, что это кучево-дождевые, а не перисто-кучевые облака.

Однако несмотря на то что она была олицетворением всезнайки (посмотрите это слово в словаре и увидите там точное описание Корнелии), она не получала удовольствия от знаний. Точнее сказать, она получала от них удовольствие только потому, что они позволяли ей чувствовать себя умнее других людей. Она уже понимала, что она самая хорошенькая девочка в школе и у нее определенно самые богатые родители, но ей было просто необходимо стать также и самой умной. Тогда она смогла бы заставить всех вокруг завидовать ей, а вызывать у людей зависть было самым восхитительным занятием на свете.

Вот почему, когда новая девочка из Англии села рядом с ней, Корнелия задрожала от предвкушения. Ведь кем могла быть новая знакомая, если не новой жертвой, которой можно продемонстрировать свое несомненное превосходство?

— Привет, я Корнелия, — сказала она на самом безупречном английском, протягивая руку. — Я очень рада с тобой познакомиться.

Марта пожала протянутую руку.

— Я Марта.

— О, Марта. Пишется М-А-Р-Т-А, не так ли? В Норвегии есть похожее имя, Марте. Насколько я знаю, оно имеет арабское происхождение, правда?

— Я не знаю, — ответила Марта, потому что она этого действительно не знала.

— О, неужели? Ты этого не знаешь? Я думала, что все знают происхождение и значение своего имени. Мое имя значит «золотой», так что оно подходит к моим волосам.

— Мне нравится твое имя, — сказала Марта. — И твои волосы тоже.

— Ах, спасибо. Они у меня от мамы. Она была моделью, и она до сих пор очень красивая. Теперь ей не нужно работать. Мой папа очень богатый, понимаешь... А чем занимается твоя мама?

Марте внезапно стало очень грустно. Она вспомнила день, когда мама разрешила заколоть ей волосы сотней заколочек.

— Она... ее нет.

Корнелия засмеялась:

— Я знаю, что ее здесь нет. Думаю, наши мамы немного слишком взрослые, чтобы ходить в школу.

— Нет, — сказала Марта. — Она... она... — Она вдруг осознала, что это был первый раз, когда ей нужно было произнести это вслух. — Она умерла. Моя мама... и мой папа. Они оба. Они погибли в аварии на дороге... Вот почему мы переехали в Норвегию. Я и Сэмюэль, мой брат. Мы живем с нашими... — Она произнесла все это на одном дыхании, но слова все равно застревали у нее в горле. Ей было слишком грустно, чтобы говорить.

— Ох, мне так жаль, — сказала Корнелия, хотя на ее лице не было видно ни тени сожаления. — Наверное, очень неприятно быть сиротой. Я бы чувствовала себя ужасно, если бы мои родители умерли и я осталась одна.

Марте не нравилась Корнелия. Было в ней что-то необыкновенно холодное. Каждая ее фраза походила на острый карандаш, которым она колола ее в самые больные места, чтобы посмотреть на ее реакцию.

— Я не одна. У меня есть брат. Сэмюэль.

Корнелия повернулась туда, куда указывала Марта, и увидела мрачного темноволосого мальчика, который сидел сгорбившись на стуле и смотрел прямо на нее.

— Ах, он, — протянула она, всем своим видом выражая отвращение. — Так это твой брат. Ты бедняжка.

В глубине души она, конечно, позавидовала Марте. Видите ли, у Корнелии не было ни брата, ни сестры, и ей всегда было интересно, каково это — иметь их.

— Нет, на самом деле он хороший, — сказала Марта. «Лучше, чем ты, по крайней мере», — подумала она.